

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-353-364>

Научная статья / Research article

Улусная элита якутов в коммуникативном пространстве Российского государства в XVII – середине XVIII в.

А.А. Борисов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, Россия, Якутск, ул. Петровского, 1,
a_a_borisov@mail.ru

Аннотация: В статье говорится об инкорпорации элиты якутских улусов – традиционных потестарных институтов в состав Российского государства посредством его коммуникативного пространства. При этом дается новая интерпретация улусов как особой политической формы организации кочевых народов. Среди них в виду их дисперсного и подвижного образа жизни важную роль играли коммуникации. Тойоны, князцы, «лучшие люди» – таксономия представителей якутской элиты, находящая аналогии среди других кочевых народов. Рассмотрен генеалогический принцип легитимности властных полномочий и управленческая практика Русского государства в Якутии. Впервые дискутируется вопрос о каналах и формах политической коммуникации, через которые осуществлялось воздействие русской государственности на улусную систему в целом и на улусную элиту в частности. Представлена деятельность воеводского управления в отношении тойонов по приведению их в российское подданство как канал формирования коммуникативного пространства имперской окраины. Депутации якутских князцов к русским царям XVII – середины XVIII в., присвоение дворянства якутам расширили это пространство за счет усиления доверия к правящему режиму. Рассматриваются локальные особенности данного процесса, повлиявшие на темпы и характер инкорпорации. Реконструированы особенности коммуникативных практик встраивания якутской улусной элиты в уездную систему управления Якутии. Основным результатом исследования является тезис о типологическом совпадении представлений о подданстве, принятых в Русском государстве и якутской улусной элиты. Последняя, по-видимому, в этом не отличалась от родственных тюрко-монгольских элит Южной и Западной Сибири, но отличалась, в свою очередь, по темпам перехода под царскую власть, т. к. у первых имелась и другая альтернатива в лице сильных в политическом отношении соседей, например, Джунгарии.

Ключевые слова: многонациональная империя, представление о власти и подданстве, тайшам, богол, шертование

Для цитирования: Борисов А.А. Улусная элита якутов в коммуникативном пространстве Российского государства в XVII – середине XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 353–364. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-353-364>

The ulus elite of the Yakuts in the communicative space of the Russian state from the 17th to 19th centuries

Andrian A. Borisov

Institute of Humanities and Indigenous Peoples, North Siberian Branch Russian Academy of Sciences,
1, Petrovskogo Str., Yakutsk, 677027, Russia,
a_a_borisov@mail.ru

Abstract: The article discusses the incorporation of the elite of the Yakut *uluses* – traditional potestary institutions – into the Russian state through its communicative space. At the same time, a new interpretation of *uluses* is given as a special political form of organization of nomadic peoples. In view

© Борисов А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

of their dispersed and mobile lifestyle, communication played an important role among them. With titles such as *toyons*, *kniastysy*, and "best people", the taxonomy of the representatives of the Yakut elite finds analogies among other nomadic peoples. The article discusses the genealogical principle of the legitimacy of power and the governance practice of the Russian state in Yakutia. This article breaks new ground by analyzing the routes and forms of political communication through which the influence of the Russian state on the *ulus* system in general and on the *ulus* elite in particular was carried out. The activities of the provincial administration in relation to *toyons* to make them Russian subjects are interpreted as a route for the formation of the communication space in the imperial outskirts. The delegations of the Yakut nobles to the Russian tsars of the 17th and 18th centuries, and the inclusion of Yakut elite representatives into the Russian nobility, expanded this space by increasing the Yakuts' confidence in the ruling regime. The article also takes account of local features of this process, which influenced the rate and nature of incorporation. The paper characterizes the communicative practices of embedding the Yakut *ulus* elite into the district governance system of Yakutia. The author argues that typologically, the ideas of citizenship adopted in the Russian state and in the Yakut *ulus* elite coincided. The Yakut nobles, apparently, did not differ in this from the related Turkic-Mongol elites of Southern and Western Siberia, but differed, in turn, in the pace of transition to tsarist power, since the former had an alternative in the face of politically strong neighbors, for example, Dzungaria.

Keywords: Russian state, Yakut elite, citizenship, incorporation, management

For citation: Borisov, Andrian A. "The *ulus* elite of the Yakuts in the communicative space of the Russian state from the 17th to 19th centuries." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 353–364. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-353-364>

Введение

Коммуникативное пространство – это социальная среда, в рамках которой происходит общение между людьми и через призму данной коммуникации формируются определенные представления об окружающем мире. Безусловно, для успешного исследования в данной области знания необходима опора на разработанные теории коммуникации, коих существует большое многообразие¹. Для нашей проблематики, связанной с историей управления Русского государства, важны теоретические наработки, имеющие отношение к «закону двусторонности коммуникации»². В частности, нас интересуют «субъектно-объектные» типы общения, когда выступающая в качестве субъекта коммуникации сторона преследует определенные цели в отношении стороны, являющейся объектом. При этом важно придерживаться диалогического подхода к изучению коммуникации³. Кроме того, в контексте нашего исследования заслуживают внимание интерпретация коммуникаций в трактовке Ю. Лотмана как перевода с языка одного агента «Я» на язык другого агента рассматриваемого процесса «ОН». Поскольку речь идет об управлении присоединенной территории с коренным населением, то нам предстоит основываться на исследовании модели коммуникации «Я – ОН»⁴.

Очевидно, что когда речь идет о коммуникативном пространстве государства в первую очередь следует говорить о пространстве политической власти, до каких пределов оно распространяется. В нашем случае речь пойдет о Русском государстве XVII – середины XVIII в., сумевшего за короткое время – чуть более полувека (с 1583 г. до 1638 г.) раздвинуть свои границы от Урала до Тихого океана и распространить свои традиции культурного и политического общения. Очевидно, что этому способствовали особенности управления присоединяемыми территориями: практики косвенного контроля и делегирования полномочий на места, в том числе этническим элитам, т. е. сво-

¹ Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб., 2011.

² Соколов А.В. Социальные коммуникации. СПб., 2013.

³ Линде А.Н. Проблема отношения гуманистического и технологического направлений в теории социально-политической коммуникации // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 2. С. 94.

⁴ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.

его рода «автономии аборигенного общества», как это признано в современной отечественной и зарубежной историографии⁵. Другой составляющей объекта нашего исследования являются непосредственные участники векового диалога.

Кто являлся агентом коммуникации? В своей работе мы будем писать о первом агенте («Я») – Русском государстве в лице высшей власти – царя и его ближнего окружения и его представителях на местах (воеводах и приказных людях), ведь именно он выступил инициатором образования изучаемого пространства. Второй агент («ОН») – элита якутского общества, улусные предводители, *тойоны* якутски, которых русские служилые люди называли «князцами», «лутчими людьми». Хотя их в историографии по аналогии с представителями русской знати (с боярами и дворянами) и называли «феодализовавшейся» верхушкой якутского общества, вступившей в союз с царизмом⁶, но в интересах нашего исследования они важны, прежде всего, как носители потестарности якутов. Именно первые контакты Русского государства с ними, достигнутое соглашение о подданстве и дальнейшее развитие обоюдных отношений привело к сравнительно быстрому присоединению к растущей державе обширных пространств, занятых якутами.

Как осуществлялись акты коммуникации между ними, и прежде всего, в самый ранний период, когда Якутия стала частью пространства Русского государства? Необходимо обратить внимание на установившиеся формы взаимоотношений и каналы общения между названными агентами. Как эти коммуникации развивались, и какое влияние они оказывали на историю этого государства?

В данной работе предстоит решить названный круг вопросов с целью понять какое место заняла якутская элита в коммуникативном пространстве Русского государства.

Как мы видим, в историографии писали о тесном контакте царского правительства и его представителей с элитой якутского общества, как правило, даже называли дату «окончательного перехода якутского тойонства на службу завоевателям» – 1642 г., год «подавления» последнего крупного восстания якутов⁷. Разбирались причины этого быстрого перехода, а также «пассивности», «мирной», «лояльной» настроенности якутов по сравнению с другими более воинственными народами – тунгусами и юкагирами. В качестве одной причины миролюбивости якутов назывался упомянутый выше переход, а в качестве другой – «междоусобица и межплеменная рознь» (С.А. Токарев). Наверное, трудно полностью согласиться с последним утверждением С.А. Токарева, ведь те же тунгусы враждовали между собой не меньше. Объяснить причины быстрого «замирения» исключительно отсутствием единства среди якутов и тем более «предательством» якутской элиты – значит упростить проблему. В последующей историографии, уделявшей основное внимание «вхождению» Якутии в состав Русского государства, также подчеркивалась роль коллаборационизма якутских тойонов⁸. При этом коммуникативные формы и практики не вызывали у исследователей должного внимания. Перспективным

⁵ *Каттелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000; *Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века.* М., 2004; *Зувев А.С.* Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // *Историческая энциклопедия Сибири:* в 3 т. Новосибирск 2010. Т. 1. С. 9–11 и др.

⁶ *Баширин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 147–148, 151.

⁷ *Токарев С.А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 62; *Токарев С.А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск, 1945. С. 287–292; *Ионова О.В.* Из истории якутского народа. Якутск, 1945. С. 97–109.

⁸ *Иванов В.Н.* Социально-экономические отношения якутов. XVII век. Якутск, 1966; *Иванов В.Н.* Якутия в составе Русского государства (XVII век). Якутск, 2002.

выглядит обращение к анализу побудительных причин поведения агентов коммуникации, которые были связаны с традициями политической культуры, в частности, определенными установками и представлениями о механизме осуществления власти. Как нам представляется, лидеры, казалось бы, разрозненных улусных групп якутов, тем не менее, обладали схожими воззрениями на характер властных отношений, и в соответствии с ними они и действовали.

В современной историографии большим событием стали монографии В.В. Трепавлова, разработавшего мифологема Белого царя в политической истории народов Евразии, в частности, тех, что вошли в орбиту Русского государства. Определенный вклад в разработку темы внесли Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова, исследовавшие механизмы управления в Империи Чингис-хана, в частности, вертикаль власти «старший – младший»⁹. Новая трактовка процесса инкорпорации народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. выдвинута в коллективной монографии А.С. Зуева, П.С. Игнаткина, В.А. Слугиной, в которой заметное место занимает изучение различных сторон коммуникативной культуры народов, участвовавших в этом процессе¹⁰. В истории инкорпорации якутов есть некоторые особенности, которые хорошо видны на фоне коммуникативного пространства Русского государства XVII – середины XVIII в.

Агенты изучаемого коммуникативного пространства

Россия первой трети XVII в. представляла собой аграрную страну с огромным преобладанием сельского населения (крестьянство, казачество). Устная (вербальная) традиция коммуникации являлась основной формой общения. Представители боярства, дворянства, дети боярские, руководившие партиями землепроходцев и занимавшие посты в воеводском управлении, также далеко не всегда были грамотны, находясь в сфере устной культурной коммуникации. Хотя в изучаемый период государство не проводило целенаправленной «национальной» политики, но его действия на присоединяемых территориях отличали этатизм, традиционное сотрудничество «русских элитных страт» с «иноэтничными» коллегами, стремление создать доверие у народов, населяющих эти земли¹¹.

В составе землепроходцев было немало представителей не русских народов: татары, башкиры, «остяки», многие из которых сохраняли свой язык и культуру. Это также наложило отпечаток на характер присоединения Сибири и Якутии.

Успехи последней четверти XVI – начала XVII в., связанные с разгромом Сибирского ханства, позволили русским, пройдя земли Западной Сибири, населенные угро-самодийскими и тюркскими народами, проникнуть вначале к тунгусам современного Красноярского края, а затем, – вступить в контакт с тюркоязычными якутами. Причем для отрядов таких землепроходцев, как атаман Иван Галкин, по видимому, прошло незаметным преодоление рубежа, разделявшего тюрков бассейна Енисея и якутов, так же говоривших на родственном для последних языке. Чувство ожесточения от неудачных столкновений с тубинцами в 1630 г.¹², очевидно, не покинуло его и тогда, когда он, на следующий год, перейдя из бассейна Енисея в верховья

⁹ Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.

¹⁰ Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017.

¹¹ Трепавлов В.В. «Белый царь»... С. 199–200, 203–204.

¹² Самрина Е.В. Хакасско-Минусинский край в XVII–XVIII вв. (Трансформация традиционной жизнедеятельности хакасов). Махачкала, 2015. С. 68.

Лены и спустившись по ней, встретил кангаласских якутов во главе с Тыниной¹³. Несколько поколений историков – от Г.Ф. Миллера до современных исследователей – единодушны во мнении о вполне мирных настроениях этого самого влиятельного представителя якутской элиты во время первого контакта именно с казаками И. Галкина¹⁴. Сложно сказать, от чего проистекала подобная миролюбивость грозного якутского тойона. Предположим, что он был осведомлен о могуществе Русского государства, сопоставимого по силе с самыми мощными улусными объединениями кочевников Евразии, и решил прибегнуть к добровольному признанию своеобразного «васалитета», принятого в кочевом мире. Тем более, что пришельцы вносили ясак в знак перехода в подданство и брали аманатов – известные кочевникам формы политического подчинения. Несмотря на то, что среди якутов ведущую роль играли несколько крупных улусов, но авторитет хангаласских улусных предводителей был бесспорен¹⁵. Однако достигнутый консенсус продолжался недолго и очень скоро из-за «воровства» атамана (в чем состояло оно, не уточняется) договоренность была разрушена. Произошли первые столкновения между русскими казаками и якутскими князьями. Мы знаем, что процесс присоединения Южной Сибири растянулся на несколько столетий по причине противоборства с монгольскими позднесредневековыми ханствами (джунгарами и халха-монголами и стоявшей за ними Империей Цин), так же претендовавшими на ясак с этих территорий.

Политическая ситуация в Якутии, по-видимому, была неизвестна русским служилым людям, упомянутого Тынину даже титуловали «лучшим тайшей». Интерес представляет факт «шертования» более чем 30 якутскими князьями из 16 «волостей» сотнику Петру Бекетову на имя русского царя¹⁶. Не иначе чем массовым подобную процедуру не назовешь, ведь среди этих «волостей» перечислены пять из шести самых крупных на тот момент улусных объединений якутов, в том числе Кангаласский улус, представленный сыновьями Тынины. Конечно, будут два мощных восстания против произвола и насилий служилых людей в середине 1630-х гг., будет «измена», т.е. отложение всей Якутской земли во второй половине 1630-х гг., но тем и удивительнее быстрое замирение ее в 1642 г.¹⁷ Как нам представляется, здесь большую роль сыграли традиции улусной элиты якутов, вошедшей в коммуникативное пространство Русского государства и найдя в ней отклик, созвучный пониманию отношений власти и подданства, общему на обширном протяжении евразийских степей и лесостепи. Тем более, что Русским государством «были восприняты многие элементы политики Золотой Орды в отношении покоренных народов»¹⁸. Прежде всего, речь идет о представлениях о власти и подданстве.

¹³ Токарев С.А. Общественный строй якутов... С. 277; Иванов В.Н. Якутия в составе Русского государства... С. 45–49.

¹⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 3. С. 58, 69–70; Архив якутского научного центра сибирского отделения Российской академии наук (далее – Архив ЯНЦ СО РАН). Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 70–73; Иванов В.Н. Якутия в составе Русского государства... С. 16.

¹⁵ Исторические предания и рассказы якутов / под ред. Г.У. Эргиса. М., 1960 Ч. 1; Ксенофонтов Г.В. Элэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М., 1977. По словам атамана И. Галкина «а те кангаласские князцы людны и всею землею владеют, и иные многие князцы их боятца». См.: Токарев С.А. Общественный строй якутов... С. 43, 167.

¹⁶ Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). М., 1970. Ч. 3. С. 1092–1093.

¹⁷ Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 45–63; Ионова О.В. Из истории якутского народа. Якутск, 1945. С. 65–109.

¹⁸ Зуев А.С. Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х т. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 9.

Улус – это подвижное кочевое сообщество со своей политико-потестарной системой, присущей многим, преимущественно тюрко-монгольским народам Евразии¹⁹. Неустойчивость экономического благосостояния, зависевшего от прихотей природно-климатических условий, уязвимость кочевников от внешнего врага ввиду отсутствия естественных и искусственно возводимых укрытий требовали иных способов защиты и поддержания безопасности. Вербальные формы, подкрепленные клятвенными формулами и ритуалами, играли при этом большую роль. Нарушение достигнутых договоренностей отражалось, на, как бы сейчас сказали, репутации нарушителя, он «терял лицо», а следовательно, и политический вес. Легитимность претендента на власть также покоилась на устной традиции – на разветвленной и многопоколенной генеалогии, доказывавшей законность притязаний на власть. На таких договоренностях держались союзы кочевников. Генеалогии соответствовала политическая иерархия. На вершине этой иерархии стояли улусные предводители разнопорядкового уровня: от *каганов*, *ханов*, *тайшей* на самом высшем уровне до глав группы кровно-родственных семей. В Сибири кроме ханов сибирских татар, по-видимому, не было элит подобного высокого статуса. Лишь некоторых представителей знати бурят и якутов именовали *тайшами*. Как правило, улусные предводители тех или иных улусов возглавляли сравнительно небольшие группы численностью до 5 тыс. чел. Им всем русские, придя в Сибирь, присвоили нейтральный титул «князец». Другими словами, это были улусы *второго* порядка, образования, существовавшие в обычном повседневном режиме жизни кочевников. Большие объединения не могли нормально функционировать в условиях естественного развития экстенсивного скотоводческого хозяйства. Сибирское ханство в этом смысле было уникальным для XVI в. политическим объединением Сибири.

Политическая власть в улусах основывалась на отношениях «старший – младший», механизма социально-политической интеграции, определяемого категорией *богол*²⁰. Действительно, появление подобного механизма было вызвано расширением сферы влияния, в частности, такой крупной политии, как Монгольская империя. Причем подобная традиционная практика прослеживается, как считается, не только у монгольских, но и у тюркских народов.

Якуты не были исключением. Кроме того, известно участие монгольского компонента в этногенезе якутов²¹. В первые годы русского присутствия в Якольской земле было чуть больше 40 князцов. Большинство из них, по сути, были главами «микроулусов» – улусов *третьего* порядка. Под их началом была группа близкородственных семей, не превышавшая по численности несколько сот человек. И только чуть более десяти князцов возглавляли улусы *второго* порядка, которые относились к категории типичных в нормальном состоянии кочевнических сообществ. Они насчитывали по 2–5 тыс. чел. Таковых было шесть улусов: Батурусский, Бетунский, Борогонский, Кангаласский, Мегинский и Намский. Обратим внимание на существовавшие между ними трения, обусловленные тяготением, например, Борогонского улуса к монгольской среде. Лидер борогонцев князь Легей подобно Тыгыну также изначально искал союза с русскими, очевидно, преследуя определенные политические цели.

¹⁹ Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до манчжуров). 2-е изд. СПб., 2010. С. 215–216.

²⁰ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 225–251, 343–374; Этот термин находит аналогии в якутском языке в схожем семантически значении. См.: Токарев С.А. Общественный строй якутов... С. 94.

²¹ Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993. С. 58, 62–63.

Как оказалось, лидеры враждовавших между собой улусных групп сошлись в одном – в стремлении воспользоваться возможностью вступить в договорные отношения с более сильным в политическом отношении агентом вновь начавшейся межкультурной коммуникации в лице русского царя для достижения внутривнутриполитических целей.

О некоторых формах и каналах коммуникации

С первых же лет присутствия Русского государства в Якутии устанавливаются договорные отношения царя и представителей якутской элиты – тойонов. Они помимо переговоров («призывания под высокую государеву руку») включали в себя «жалованное слово», обязательство уплаты ясака и принесение присяги. Как считают современные исследователи, в этих элементах договора слились как русские, так и туземные традиции сибирских народов, в том числе и «ордынское наследство». «Крестоцеловальный», православный по сути, «шертовальный» по форме договор имел своеобразие в Якутии. А.С. Зуев, П.С. Игнаткин, В.А. Слугина пишут: «...процесс подчинения номадов заметно отличался от процесса подчинения собственно сибирских народов. В последнем переговоры, хотя и имели место, но были, как правило, кратковременными (непосредственно при установлении мирных отношений и признании иноземцами своей подчиненности русским властям), а главное – они не соответствовали принятым дипломатическим процедурам. По этой причине шертование, бывшее итогом дипломатических переговоров, мы отделяем от шертования, которое не предварялось такими переговорами»²². Якуты, по-видимому, не входили в круг дипломатических партнеров Русского государства, тем не менее, приведение их в подданство царя имело определенное своеобразие. Быстро утратив статус «землицы», наименование «улусами» (атрибут автономии)²³, земли, населенные якутами, очень рано получили своего якутского воеводу, который, как известно, обладал широкими административными полномочиями, вплоть до дипломатических. На тот момент Якутский разряд был самым отдаленным и потому некоторое время с точки зрения управленческой иерархии имел престижный статус. Не случайно, сюда на воеводство стремились попасть видные царедворцы и политические деятели²⁴. Процесс шертования здесь отличался тем, что за короткий отрезок времени между 1632 и 1642 гг. он прошел дважды в таком большом масштабе: в первом случае с участием более 30 князцов из 16 волостей, а во втором – 20 князцов из 12 волостей. Причем всякий раз были охвачены практически все крупные улусные группы якутов. И, как отмечают специалисты, оба раза шертование было именованным, что довольно редкий случай²⁵. В обоих случаях шертование предварялось вооруженным выступлением якутов, что, вероятно, также повлияло на характер процедуры. Но затем наступило быстрое замирение, очень быстро с якутов перестали брать аманатов.

Были и другие каналы общения. Князцы дорожили предоставленным правом обращаться напрямую к русским царям, и на протяжении изучаемого периода неизменно пользовались им в кризисных ситуациях. Челобитная сыновей Мымака – Ники с братьями 1660 г. на имя Алексея Михайловича от имени 10 волостей, делегации якутских князцов 1677 и 1680 гг. к Федору Алексеевичу в связи расстройством ясачной системы нашли преемственность в следующем столетии в челобитных кангаласского князца

²² Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла... С. 224–225.

²³ В 1720-х гг. улусы были восстановлены. Надеюсь, в скором времени причины подобной «ревитализации» улусной системы станут объектом нашего исследования.

²⁴ Как например, М.С. Лодыженский, патриарший стольник, якутский воевода (1651–1660), Я.П. Волконский, князь, окольничий, якутский воевода (1670–1675) и др.

²⁵ Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла... С. 219.

Мэччирги Кахсыкова 1732 г. и хатылинского князца Кутуяха Китчиева 1751 г. о судебных полномочиях якутских тойонов, не говоря уже о знаменитой депутации кангаласского князца Софрона Сыранова в 1767–1774 гг. и других, выходящих за хронологические рамки нашего исследования, в частности, борогонского князца Алексея Аржакова 1789 г. Все эти акции свидетельствуют о достаточно регулярной традиции общения представителей якутской элиты с высшей властью страны.

Казалось бы, длительный период отсутствия подобных акций в царствование Петра I и Иоанна V на самом деле был насыщен другого рода форматом коммуникаций. Именно в это время представители якутской знати стали получать российское дворянство на основании именных царских указов. Так, вышеупомянутый А. Аржаков утверждал, что в то время якуты «на одобрение и утверждение их верноподданства многие отличаемы были почестию дворянства по московскому списку с жалованьем, на что и поныне сохраняются у некоторых грамоты»²⁶. Он был обеспокоен тем, что подобные пожалования в отношении якутов после петровских времен прекратились. Как показывают выявленные документы, первые пожалованные получали чин детей боярских²⁷. Другими словами, коммуникативное пространство, в котором осуществлялось изучаемое общение, дополнилось еще одним каналом – предоставлением дворянства. Хотя, большинство известных случаев пожалования отмечены в петровское время, но первый подобный факт относится к 1677 г. и, очевидно, связан с первой депутацией якутских князцов. 27 февраля согласно изданному царскому указу «якуцкому иноземцу, Леонтию Львову, его великого государя службу служить в Якуцком, в детях боярских для того, што он, будучи в Москве (курсив наш. – А.Б.), видя его великого государя пресветлые очи, пожелал православные христианские веры и крестился, оклад ему учинен на... денег семь рублей, ... давать ему государева жалованья из того окладу по шести рублей, ... а седьмого рубля не давать и зачитать тот рубль за ясачную красную лисицу, что он плачивал в ясак»²⁸. Г.П. Башарин отметил, что улусная (волостная) принадлежность новоиспеченного сына боярского не была указана. Как показывают косвенные свидетельства, этот якут по имени Кисикей Сахалтин, не был тойоном, как это безоговорочно было признано в историографии. По нашим данным, его отец Сахалту Сатыев проживал в Подгородной волости, т.е. недалеко от Якутска и платил ясак в одну красную лисицу²⁹, о которой упоминается в вышеупомянутом документе. Очевидно, проживая возле города Якутска, Кисикей усвоил русскую речь. Пребывание его в Москве в феврале 1677 г. означает, что он участвовал в поездке тех трех якутских князцов, скорее всего в качестве переводчика. «В нынешнем, великий государь, во 184-м году (т.е. в 1676 г. – А.Б.) по-твоему, великого государя, указу едем мы, холопи твои к тебе великому государю к Москве бити челом тебе, великому государю, о своих нуждах. А холопей наших идет с нами шесть человек...», – писали князцы в своей челобитной»³⁰. Как известно, к началу 1677 г. делегация прибыла в Москву, встречалась с царем, а 9 февраля 1677 г. вышел указ по их «челобитью» о порядке судопроизводства в якутских улусах. Очевидно, что «быть в Москве» в феврале того же года Кисикей мог только в составе участников той по-

²⁶ Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (далее – АВИВР РАН). Ф. 11. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

²⁷ Иванов В.Ф. Русские письменные источники по истории Якутии XVIII – начала XIX в. Новосибирск, 1991. С.40.

²⁸ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 607. Оп. 2. Д. 31. Л. 1; Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. В 2-х т. М., 2003. Т. 1. С. 198.

²⁹ Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). М., 1970. Ч. 2. С. 567.

³⁰ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 116. Л. 111, 113.

ездки. Думается, что пожалование в дети боярские стало возможно благодаря какому-то его заслугам, а не только ради согласия перейти в православие. Скорее всего, Кисикей был переводчиком и понравился молодому царю Федору Алексеевичу, при котором начинали цениться больше личные способности на царской службе, а не заслуги предков.

Особенности коммуникативных практик

Названные пожалования дворянскими званиями, как положено в официальном делопроизводстве тех лет, осуществлялись на основании подачи соответствующих челобитных. Почти с первых лет присутствия царской власти в Якутии местное население и в первую очередь представители якутской элиты освоили подобную форму коммуникации с властями. При этом прошения подавались не только с целью урегулировать ясачное обложение, но и для решения частных дел самого разнообразного характера: иски о кражах личного имущества, о побоях и увечьях в результате ссор, о земельных спорах, о калыме и приданом и пр.³¹ Дела заводились как на своих земляков – якутов, так и на представителей других народов – тунгусов, юкагиров и на самих русских – носителей официальной власти. Надо сказать, что власти не были безучастны к таким просьбам и классовые пристрастия не так были явны, как это пытались представить в советской историографии. Все-таки осуществлялось регулярное судебное делопроизводство. Конечно же, бывали и произвол, и злоупотребления, но коммуникация осуществлялась двусторонняя. Инициативы (поданные иски) местного населения находили отклики и удовлетворение со стороны представителей официальных властей (воевод и служилых людей).

Важно отметить, что истцы понимали целесообразность своих действий, имела место и осведомленность уже в ранний период о законопорядке, действовавшем в Русском государстве. Это ярко выразилось в отстаивании якутской элитой своих властных прав и полномочий не только в вышеназванных акциях якутских депутатов, но также в коллективных челобитных середины XVII в.³² «А как мы, сироты твои, учили с себя тебе, великому государю, ясак платить и тому, государь, больши двадцати годов и в тех прошлых годех иные наши братья были скотны и богаты, а топере стали бедны и безскотны от тяжелых ясачных платежей, а иные, государь, из молодчие статьи наша братья стали скотны и богаты, а об твоём, государеве, ясаке до твоего, государева, указу поверстки нам, сиротам твоим, об наших ясачных окладах не бывало...», – писали они в одном документе в 1659 г.³³ Здесь звучит ревность к якутам «молодчей статьи», т.е. к тем кто обогатился по сравнению с ними, представителями старшей по знатности группе якутской знати. Авторы этих обращений обеспокоены угрозой нарушения иерархии, сложившейся по традиции, в ее среде. Поэтому наиболее знатные из них, например, такие как намский князец Нокто Никин, внук Мымака для укрепления своего статуса направляли в адрес русских царей челобитные о своей службе и службе своих предков. В некоторых трудах в советской историографии они названы «откровенными исповедями», но подобные документы стоят в ряду челобитных русских служилых людей и дворян с послужным списком тех лет, имевших целью продвинуться по служебной карьерной лестнице. Это наглядно видно в челобитной намского князца Тюсюка Мымакова, относящейся к 1680-м гг., где перечислены многочисленные заслуги перед поколениями

³¹ Токарев С.А. Общественный строй якутов...; Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 151–153.

³² Материалы по истории Якутии XVII века... Ч. 3. С. 912–933, 953–966.

³³ Там же. С. 916.

русских царей и содержится просьба все это письменно зафиксировать³⁴. О возросшей осведомленности якутской элиты с ясачным обложением в государстве говорят и другие документы. Так, в 1668 г. они жаловались, что в других сибирских городах ясак за умерших сородичей не брали, и просили применить к ним такие же правила ясачного сбора³⁵.

Как мы уже писали выше, среди землепроходцев, пришедших в Якутию, были представители нерусских народов, ранее присоединенных Русским государством, в частности, финноязычные коми-зыряне (вспомним, знаменитого землепроходца Дмитрия Зыряна), остяки-ханты, тюркоязычные татары. Со второй половины XVI в. в составе русских войск служили татары, выходцы из Касимовского ханства³⁶. Елисей Турунтаев, Еналей Бехтеяров и другие казаки Якутского гарнизона, вероятно, относились к подобным категориям служилых людей. Многие из них, очевидно, сохраняли родной язык, близкий к также тюркскому по происхождению якутскому языку. В текстах документов XVII в. нередко встречается татарская лексика: *орда*, *башлык*, *кыштым* и т.д. Известно также, что сам термин «ясак», заимствованный в русском языке из монгольского языка, в деловой практике мог заменяться на аналогичный по смыслу тюркский термин *салык* (дань), который, в свою очередь, созвучен с якутским *солук* в том же значении. Названный фактор мог также играть важную роль в налаживании контактов представителей Русского государства с аборигенным населением Якутии. Данный фактор расширял и углублял коммуникативное пространство Русского государства на вновь обретенных территориях.

Огромный информационный заряд содержится в событиях, разыгравшихся в 1642 г. в Якутии в связи с прибытием первых якутских воевод Петра Головина и Матвея Глебова. Детали этих событий освещены в трудах советских историков³⁷. Оставив в стороне идеологическую риторику исследователей, надо признать полноту разработки этих материалов, из содержания которых следует, что это «восстание» во многом было спровоцировано множившимися слухами, в том числе откровенно провокационного характера³⁸. «Также де писали татар да калмаков и переписав де их побили и вам де так же де быть побитым...»³⁹, – говорил служилый человек Кузка Туркин якутам.

Несмотря на это, вооруженное выступление якутов в этот раз ограничилось нападениями на воеводских переписчиков, постройкой укреплений бетунскими князьями к северу, а кангаласскими князьями к югу от Якутского острога с целью блокирования русского гарнизона, сбором в опасной близости от крепости нескольких сот вооруженных якутов и рядом небольших стычек со служилыми людьми в феврале 1642 г. Ситуация стремительно переменялась к концу месяца, собранные войска отступили по своим улусам, а уже в первых числах марта практически все князья, участвовавшие в этих событиях, явились в острог на суд воеводы. В чем причина подобного быстрого и неожиданного исхода? Да, конечно, среди якутских улусов не было единства, по меньшей мере, два из шести самых крупных улусов Намский и Борогонский во главе со своими князьями изначально воздерживались от конфронтации. Как нам представляется, на основании данных исторического

³⁴ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 2259. Л. 11–12 об.

³⁵ Там же. Д. 1670. Л. 3.

³⁶ Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла... С. 82.

³⁷ Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. С. 51–59; Ионова О.В. Из истории якутского народа. Якутск, 1945. С. 79–107.

³⁸ О чем мы имели уже возможность написать в своей работе: История долины Энциэли в русских документах XVII века. Сб. документов. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Борисов. Иркутск, 2019. С. 107–116.

³⁹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 276. Л. 3–4.

фольклора якутов в сопоставлении их с фактами из первых русско-якутских контактов по русским письменным источникам XVII в. соперничество между кангаласскими князьями, потомками Элляя, «татарского» по происхождению «царевича», с одной стороны, и борогонскими князьями, происходившими от легендарного элляева тестя Омогоя, связанного с «бурятским» родословием⁴⁰ достигло накануне прихода русских высокого накала. Легей (Логуй), борогонский глава, очевидно, теснимый кангаласским *дарханом* Тыгыном (Тыниной), был вынужден прибегнуть к союзу с русским царем, воспользовавшись традиционными тюрко-монгольскими представлениями о подданстве. Обиженный «младшим» во всех отношениях Тыгыном (потомком зятя Логуева предка, младшим сыном Мунньяна) Легей поспешил опереться на нового союзника в лице Русского государства, признав в нем «старшего» в политической иерархии евразийских степных народов.

Обратим внимание, что переговоры с воеводскими властями даже со стороны тех князцов, которые участвовали в нападениях, не прекращались: направлялись парламентеры, нарочные, предлагалась головщина. Другими словами, поддерживался диалог, просматривается желание договориться с воеводскими властями. Как нам представляется, такая линия поведения была продиктована пониманием ответственности в условиях установившейся системы доверительных отношений, подкрепленных легальными формами (шертованием, например).

Выводы

Итак, в своей статье мы поставили проблему вхождения и встраивания якутской элиты в коммуникативное пространство Русского государства в XVII – середине XVIII в. Данный процесс осуществлялся через установление отношений между царским правительством и представителями якутской элиты – улусными тойонами. Исходя из традиционных представлений правящих кругов Русского государства о подданстве, основанном на старшинстве и патернализме, позволившем ему за короткий срок включить в свой состав огромные территории Сибири, выстраивались отношения с улусной элитой якутов. Притязания царя на старшинство нашли понимание у якутских тойонов, типичных представителей элиты евразийских кочевников, у которых были схожие понятия, выражавшиеся в иерархии «старший – младший», номинального подчинения со взаимными обязательствами типа *богол*. Отсюда сохранявшаяся на протяжении длительного времени лояльность улусной элиты якутов и дальнейшее успешное встраивание ее в систему управления Российского государства. Таким образом, междуусобные распри лишь отчасти могут быть названы причиной сравнительно быстро «замирения Якутской земли». В отличие от кочевых народов Западной и Южной Сибири у якутов не было альтернативных вариантов, так как якутская элита не знала до XVII в. каких-либо форм верховной власти, но, судя по всему, сохраняла представления о ней.

Среди коммуникативных форм и каналов, по которым осуществлялось общение между рассмотренными агентами коммуникации Русским государством и якутской элитой, отмечены «жалованное слово» царя, шертования, челобитные. Причем на челобитные, подававшиеся не только от имени представителей якутской элиты, но и от всех якутов, власти старались реагировать достаточно оперативно.

⁴⁰ *Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену (по преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск, 1938; Исторические предания и рассказы якутов / под ред. Г.У. Эргиса. М., 1960. Ч. 1.

Особенностью коммуникативных практик рассмотренного периода является готовность со стороны обоих рассматриваемых агентов коммуникации вступать в переговоры, т.е. уже в то время стали складываться предпосылки для субъектно-объектных типов взаимоотношений между ними.

Поступила в редакцию / Submitted: 13.02.2021

References

- Basharin, G.P. *Istoriia agrarnykh otnoshenii v Yakutii*. Vol. 2. Moscow: Art-Fleks Publ., 2003 (in Russian).
- Bolo, S.I. *Proshloe yakutov do prikhoda russkikh na Lenu (po predaniyam yakutov byvshego Yakut'skogo okruga)*. Yakutsk: Yakutskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1938 (in Russian).
- Borisov, A.A., ed. *Istoriia doliny Enzieli v russkikh dokumentakh XVII veka*. Sb. dokumentov. Issue 1. Irkutsk: Ottisk Publ., 2019 (in Russian).
- Gavra, D.P. *Osnovy teorii kommunikatsii*. St. Peterburg: Piter Publ., 2011 (in Russian).
- Gogolev, A.I. *Yakuty (problem etnogeneza i formirovaniya kultury)*. Yakutsk: YGU Publ, 1993 (in Russian).
- Ionova, O.V. *Iz istorii yakut'skogo naroda*. Yakutsk: Gos. izd-vo YaASSR Publ., 1945 (in Russian).
- Ivanov, V.F. *Russkie pis'mennye istochniki po istorii Yakutii XVIII – nachala XIX v.* Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie Publ., 1991 (in Russian).
- Ivanov, V.N. *Sostial'no-ekonomicheskie otnosheniia yakutov. XVII vek*. Yakutsk: Kn. izd-vo Publ., 1966 (in Russian).
- Kappeler, A. *Rossiya – mnogonastional'naia imperiia. Vozniknovenie, istoriia, raspad*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000 (in Russian).
- Kradin, N.N., and Skrynnikova, T.D. *Imperiia Chingis-khana*. Moscow: Vost. lit. Publ., 2006 (in Russian).
- Ksenofontov, G.V. *Elleyada. Materialy po mifologii i legendarnoi istorii yakutov*. Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).
- Kychanov, E.I. *Istoriia prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do manchzhurov)*. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo Publ., 2010 (in Russian).
- Linde, A.N. “Problem of ratio between humanistic and technological directions in theory of social-political communications.” *Communications. Media. Design* 2, no. 2 (2017): 87–92.
- Lotman, Yu.M. *Semiosfera*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2000 (in Russian).
- Miller, G.F. *Istoriia Sibiri*. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1999 (in Russian).
- Samrina, E.V. *Khakassko-Minusinskii krai v XVII–XVIII vv. (Transformatsiia traditsionnoi zhiznedeiatel'nosti khakasov)*. Makhachkala: KhakNIYLI Publ., 2015 (in Russian).
- Sokolov, A.V. *Sotsial'nye kommunikatsii*. St. Peterburg: Professia Publ., 2013 (in Russian).
- Tokarev, S.A. *Obshhestvennyy stroy yakutov XVII–XVIII vv.* Yakutsk: Yakut. gos. izd-vo Publ., 1945 (in Russian).
- Tokarev, S.A. *Ocherk istorii yakut'skogo naroda*. Moscow: Gos. sost.-ekon. izd-vo Publ., 1940 (in Russian).
- Trepavlov, V.V. *'Belyy car': obraz monarkha i predstavleniia o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2007 (in Russian).
- Zuev, A.S. “Aborigennaia (inorodcheskaia) politika Rossii v Sibiri.” *Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri*. Vol. 1. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri Publ., 2010: 9–14 (in Russian).
- Zuev, A.S., Ignatkin, P.S., and Slugina, V.A. *Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiia narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v.* Novosibirsk: IPC NGU Publ., 2017 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Борисов Андриан Афанасьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук.

Andrian A. Borisov, Doctor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Senior Research Scientist of the Institute of Humanities and Indigenous Peoples, North Siberian Branch Russian Academy of Sciences.